

www.elanpolkovnik.ru

ПОЛКОВНИК Ф. ЕЛИСЕЕВ НА КОНЕ ПО БЕЛУ СВЕТУ

АВТОР В ДЖИГИТОВКЕ

НА КОНЕ ПО ВЕЛУ СВЕТУ.

/Прямое продолжение брошюры - "Побег из красной России/.
/брюшюра № 1-й/.

О Г Д А В Л Е Н И Е:

- 1.-Предисловие.
- 2.-Первые месяцы на чужбине в Финляндии.
3. Письмо генерала Врангеля.
4. Русская колония и церковь в Фридтихсгамме /Хамина/.
- 5.-Кубанские казаки в Финляндии.
- 6.-Письмо Полковника Архипова Кубанскому Атаману Генералу Науменко.
- 7.-Стихотворение казака Ивана Операй /"Чайки"../.
- 8.-Вечер Кубанской станицы в Гельсингфорсе.
- 9.-Джигитова во Франции. Париж.
10. Турне джигитов по Франции. Состав группы. Работа в городах: -Блюа, Тур, Виши, Бордр, Аркашен и Тулуса.
11. Апофеоз работы этой группы по письмам:
а/.Донского Атамана Генерала Богаевского,
б/.Терского Атамана генерала Вдовенко,
в/.Бывшаго Донского Атамана генерала Краснова,
г/.Бывшаго Командующаго Кубанской Армией генерала Улагая,
д/.Командира Донского корпуса генерала Абрамова,
е/.Атамана Донской Об, единенной казачьей станицы в Париже, генерального штаба, генерала Сычева.
12. З а к л ю ч е н и е.
13. Что-же произошло в селении Колчедан, на Урале?
14. Наш брат Георгий. Его боевая служба и... гибель.

- • -

Цена брошюры 1 доллар. Выписывать по адресу:
Th.Elyseev, 502 W 177 St. Apt.1 C, New York 33,
N.Y.

НА КОНЕ ПО БЕЛУ СВЕТУ.

/ Прямое продолжение брошюры "Побег из красной России" /.

В КАЧЕСТВЕ ПРЕДИСЛОВИЯ.

Если бросить взгляд на Географическую карту России, когда красное командование "ссадило с седла" автора этих строк у города Сочи на Черноморском Побережье в апреле месяце 1920 года и, после советских тюрем и лагерей в Екатеринодаре, Ростове, Костроме, Москве и Екатеринбурге, он бежал в Финляндию, потом переехал во Францию, и там вновь "сел в седло" и с группой джигитов совершил турне по Франции, Германии, Чехословакии, Австрии, Швейцарии, и уже из Италии джигиты были переброшены в сказочную Индию, потом - Малайский полуостров, остров Ява, Гонг Конг, Шанхай, Индокитай и кородевства Комбоджь и Сиам, Бурма, вновь Индия и Малайский полуостров, Кошикинин, Филиппинские острова и остров Суматра, на котором их застала 2-я Мировая война 1939 года. Годы, даты в хронологическом порядке работы джигитов "на коне по Белу свету", с картами Стран, городов и островов - покажут читателю, что это есть не фантастическая повесть, а интересная действительность.

ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ НА ЧУЖБИНЕ, В ФИНЛЯНДИИ.

В лагерь Кронштадских беженцев на острове Туркин-саари, от Выборгского губернатора, пришло уведомление - меня берет к себе на работы фермер Эрик Силандэр, проживающий под г. Фридрихсгам /по-фински г. Хамина/. Это было ходатайства четы Аксеновых, через своих родичей Романовых. Последние - русские православные карелы, теперь граждане независимой Финляндии.

Как приятно быть свободным! На станции Выборг чиновник вручает мне железно-дорожный билет 3-яго класса и я самостоятельно отправляюсь к месту своей работы.

Пассажирский поезд идет быстро. Маленький паровоз, блестящий медными обшивками, часто издает тонкие звучные свистки на многочисленных закруглениях своего полотна меж лесов и возвышенностей, чем веселит мой путь.

В Хамина прибыл при заходе солнца. На вокзале встречают меня Аксенов со своей своячиней. Город маленький, три тысячи всего населения. Идем пешком в дом Романовых. Там уже ждет меня Эрик Силандэр.

В доме Романовых "три языка" - русский, шведский и финский. Силандэр говорит на всех этих трех языках, и на немецком. Он окончил в Выборге русско-финскую гимназию и лично работает в своей ферме. Высокий, сухой, чуть гнутый, словно желая уменьшить свой рост. Он не разговорчив. Летами сверстник мне.

Уже темно. Распрощавшись с Романовыми-Аксеновыми - идем с ним через город. Оказывается, его ферма за городом, сообщение с которым на лодке по озеру-болоту в три версты. Озеро-болото в камышах и куге, по которым вырублены просеки для лодочного сообщения. Гребет веслами он уверенно, привычно. На возвышении, у бора высоких сосен, показался большой дом. В гостиной встречает его жена Амалия, молодая женщина, хорошо упитанная, с белым лицом и румянцами на щеках. Она мило улыбается, что-то говорит по-фински. Иного языка она не знает. Хозяин представляет меня ей, потом ведет в отведенную мне комнату тут- же в доме. Постель с чистым бельем, стол, 2 стула.

Оказывается, в Финляндии, работнику полагается отдельная комната с постельной принадлежностью, что меня удивило и порадовало.

Нас ждал хороший горячий ужин, после которого, в постели с чистым бельем, я заснул крепчайшим сном. Это было 29 августа 1921 года.

Эрик Силандэр считался одним из богатых крестьян села Сиватти. Он имел 14 коров и две лошади. По финскому исчислению, каждая корова, своим помётом, удобряла одну десятину земли. Значит, у него было 14 десятин, кроме луга и леса. И моя работа началась по всему хозяйству с 6-ти утра и до 7-ми часов вечера. Кроме меня - у него было две прислуги-девушки, доить коров и по дому хозяйству. Что было приятно, - я был принят как их член семьи, обедая и ужиная с хозяевами за одним столом. У каждого был свой прибор и салфетки.

Прошел месяц работы. Я знал, что по Государственному закону, Кронштадтским беженцам установлена была плата три марки в день. Я износился. Подходила зима, а на мне все летнее и очень убогое. Было и бедно, и скучно, и грустно и одиноко. И вот, после ужина, хозяин, с трубкой в руке, как всегда, зашел ко мне в комнату и говорит с разтяжкою русских слов:

"Вы очень хорошо работали... Я Вам очень доволен. Вам полагается по три марки в день, но я Вам заплачу за весь месяц 250 марок".

При этих словах к нам вошла его жена. Она улыбается, а Эрик продолжает:

"Вы теперь можете купить себе материал на зимние штаны и рубашку, а моя жена сошьет их Вам бесплатно. Товар на сапоги я дам свой, а Вы только заплатите сапожнику за работу".

-- ° --

Я ожидал. Я стал "богат". В лагерях Туркин-саари, из газет, я узнал, что на острове Лемнос, Войсковым Атаманом был избран генерал Науменко, мой бывший командир 2-го Кубанского конного корпуса, теперь проживающий в Югославии. Моя цель бегства за границу была - соединиться с остатками Войска, веря, что "с весною", Русская армия генерала Врангеля, высадившись в портах Черного моря и перейдет в наступление на красную Москву....

Теперь, имея денежную возможность - рапортом сообщил Атаману Науменко о своем бегстве из красной России, прося ходатайства о переезде меня в Югославию.

С сентября до ноября месяца 1918 года, генерал Врангель был нашим начальником 1-й Конной дивизии в Закубанье и в Ставрополье. Мне, как старшему офицеру Корниловского конного полка, не раз приходилось встречаться с ним в боях. Его супруга была начальницей дивизионной санитарной летучки и два раза перевязывала меня лично после ранений в селе Успенском, что южнее Армавира и в селе Константиновском Ставропольской губернии. С Врангелем, были две частные встречи в Екатеринодаре после моего тяжелого ранения. Он меня лично знал. Пользуясь этим - я написал ему письмо, выразив пылкое свое желание вновь виться в Армию для продолжения борьбы против красных... 5-го ноября получил следующий ответ:

ПОЧТО-ГРАММА. ФИНЛЯНДИЯ. ПОЛКОВНИКУ ЕЛИСЬЕВУ.

"Я получил Ваше письмо с просьбой помочь Вам выхать из Финляндии и, вполне разделяя Ваше чувство, одновременно с тем, прошу письмом профессора Гримма оказать Вам в этом направлении всевозможное содействие. Буду рад если Вам удастся снова соединиться с Вашиими соратниками.

20 октября 1921 года
№ 254 / С.

г. Константинополь. Русское Посольство.

Генерал Врангель
/его факслие/

С этих дней началась моя новая жизнь, полная надежд, что я скоро вольюсь в свой Белый Стан войск.

Кроме этого - я стремился как можно скорее разыскать своего меньшаго брата Георгия, есаула Корниловского коннаго полка. Из Софии, столицы Болгарии, получая газету и журналы "Казачий Думы", которые являлись негласным органом Объединенного Совета Дона, Кубани и Терека - дал розыск о нем. Запросил и офицеров Корниловцев. Долго не было ответа. И только 20 января 1922 года, от войскового старшины Александра Тюнина, казака станицы Некрасовской, получил печальную весть. В ней он коротко сообщал, что офицеры-Корниловцы не отвечали мне потому, что бы не огорчить меня, но теперь вынужны это сделать.

"Георгий Иванович был ранен в горло у села Большая Белоозерка Таврической губернии 15 июня 1920 года и 18 июня умер в селе Петровском, где и был похоронен крестьянами с сердечной признательностью" - закончил он свое жуткое письмо. /Даты по новому стилю/.

Для меня это был большой удар. Я затосковал. Богатырского сложения красавец с прямым профилем лица и всегда веселыми глазами и погибнуть в свои 24 года от рождения - это было ужасно осознавать! И его старшему брату. Я никогда не плакал, но на панихиде по нему - молча заливался слезами.

В одиночестве, в страданиях души, мысли идут к небесам и хочется молиться Богу.

В Фридрихсгаме довольно большая русская колония, состоящая вся из коренных русских людей еще мирного времени. Как бывшая Российская провинция - в городе, в самом центре, имеется отличная и богатая Православная церковь.

С началом Великой войны 1914 года и по тот день - редко приходилось бывать в церкви. Тогда Турецкий Фронт, потом гражданская война с постоянными тревогами - где и когда можно было посещать церковь? И только теперь, по мирному положению, душа потянулась в нее, в церковь.

4-го декабря 1921 г., на лыжах прибыл в город. Оставив лыжи во дворе, вошел в Храм и стал в стороне. Молящихся человек 30. Все отлично одеты. Хорошо поет смешанный хор мужских и женских голосов. Приятный видом священник Степанов. У него мощный баритон, которым он пользуется умело, внося благолепия в церковную службу. Всё: и служба, и молящиеся, и убранство Храма, было по мирному времени, отчего я уже отважился. Искренне помолившись Богу Небесному - взял свои лыжи и костили к ним - вышел на улицу и остановился, желая посмотреть "русский народ здесь". Зима лютая. Много снега. Мороз. Одет я как эскимос. На голове финский тяжелый ватный треух, с опущенными концами к груди. В изгибе левого локтя длинные лыжи с костилями "сторчмя" вверх. Вид "северного человека". Русская публика, выйдя на улицу, гуртами разговаривает между собой. Из одной группы подходят ко мне два стройных мужчины в длинных зимних пальто и представляются, от Романовых уже зная обо мне. То были - начальник штаба Мурманского фронта, генерального штаба полковник Михаил Николаевич Архипов и командир одной из пехотных бригад Архангельского фронта, полковник Арвид Гильбих. Ведут к своим женам и просят к себе на обед. Они сыяки, т.е. женаты на сестрах. Оба кадровые офицеры Финляндской стрелковой дивизии и живут в своих старых квартирах еще мирного времени. Обед в культурном доме Архипова, с рассказами, с вопросами, с кофе - затянулся ровно до полночи. Обласканный - радостно вернулся я к себе на ферму. С этого дня, началась моя новая жизнь. По Воскресеньям я был свободен от работы, на лыжах приходил в город, в церковь, а после Богослужения - обед у Архиповых или у Гильбих до позднего вечера. Их квартиры в смежных домах. Гостят у них только элита города и многочисленные родственники местного миллионера К.Н.Аладьина, родного брата их тещи, вдовы подполковника, О.К.Ульяновой, которая живет в доме Архиповых. Я ожидал.

КУБАНСКИЕ КАЗАКИ В ФИНЛЯНДИИ.

В апреле 1922 года, отказавшись от работы у Эрика Силандэр - поступил на лесопильный завод местного русского миллионера Константина Константиновича Адальина, на котором работали очень многие русские. Полковники Архипов и Гильбих - служили в его заводской канцелярии. Работа тяжелая и опасная, но хорошо оплачиваема. Две группы по 4 человека каждый - должны складывать доски в высокие штабели, которые выбрасывает завод. Работа по 6 дней в неделю 8-ми часового дня.

В Кронштадтском возставшем гарнизоне насчитывалось около восьми сот молодых Кубанских казаков, мобилизованных красными рождения 1900 и 1901 года. Все они зачислены были в пехотные полки. По амнистии - много тысяч матросов и солдат вернулись назад и среди них несколько сот казаков. По рассказам оставшихся в Финляндии, после этого насчитывалось около двухсот. Почти все уже были на работах у крестьян. Узнав о моем появлении здесь - началось обединение. Все это очень хорошо и правильно описано казаком Гавриилом Солодухиным, в его книге - "Жизнь и судьба одного казака", которая рекламируется в Нью-Йорской газете "Новое Русское Слово". Все они были молодые казаки, ходившие только на занятия в своих станицах. Очень скоро у меня зарегистрировалось 92 казака, с которыми началась и переписка и высылка им газеты и журналов "Казачьи Думы". По письмам, все стремление их было - перебраться в Югославию и соединиться со своим Войсковым кошем. Скоро в Фридрихсгамме и его окрестностях сгруппировалось на работах выше двух десятков и образован был Кубанский хутор. В надежде скоро попасть в Югославию /в письмах и в жизни, мы называли - "перебраться в Сербию"/ - решили пошить себе темносиние гимнастерки, такого же цвета бриджи с войсковым кантом и белые папахи местного курпеля. Чевяки и ноговицы являлись подчеркивающимся щегольством. Горючая молодежь с удовольствием репетировала свои казачьи песни и танцы. Образовался приличный хор и отличные танцовщицы лезгинки и казачка. На Рождественских Святках, русская колония дала спектакль в своей школе, на котором казаки дали "свое отделение" в песнях, в танцах, в декламации. Почтительные и вежливые к старшим - они пленили колонию и своим выступлением и своим внешним видом однообразно одетых, в белых папахах и в суконных наговицах.

Хутор развернулся в станицу, назвав ее "Финляндско-Кубанской". Атаманом был избран автор этих строк. Войсковой Атаман генерал Науменко, назначил меня своим представителем в Финляндии. Профессор Гримм, представитель генерала Воангеля, вызвал меня в Гельсингфорс по этому поводу, чтобы координировать общее Российское Представительство. Хлопоты на переезд в Сербию усилились, но они оказались тщетными. Через Донского Атамана генерала Богаевского, проживавшего в Париже, начались хлопоты на переезд во Францию. И совсем неожиданно, в сентябре месяце, я получил от него пятьдесят безымянных виз, в которых сам могу вписать фамилии казаков, желающих прибыть во Францию.

"Это в подарок казаку Бідалаги за его статьи в "Казачьих Думах" - написал Атаман Богаевский в письме ко мне. /Это был мой псевдоним/.

Начались спешные запросы - "кто хочет ехать?". Но набралось только 47 казаков. Трои были с женами, живущими здесь на русских девушках.

Многие казаки поженились на финках и не могли уже ехать с нами. Другие не хотели так далеко отрываться от России, надеясь на скорую перемену правительства в ней.

Для фиксирования виз по фамилиям - меня вызвал в Гельсингфорс глава всех здесь русских, полковник Фену, бывший воспитатель Пажского кадетского корпуса в Петербурге мирного времени.

Все оформлено. 19 октября 1924 года, Русская колония в Фридрихсгамме, сердечно провожала нас в дальний путь. Полковник Архипов, являясь неглас-

ным Представителем генерала Врангеля в Финляндии - на вокзале вручил мне копию письма, которую он послал Кубанскому Атаману-генералу Науменко.

Для Войсковой Истрии, как выявили свое лицо здесь Кубанские казаки - помешаю его полностью:

КУБАНСКОМУ ВОЙСКОВОМУ АТАМАНУ, ГЕНЕРАЛУ НАУМЕНКО.

Ваше Превосходительство,
Глубокоуважаемый Вячеслав Григорьевич.

"На днях, Кубанская станица в Финляндии, кончает свое существование. Казаки, во главе со своим Батькою-Атаманом, полковником Ф.И. Елисеевым, едут на работы во Францию.

По поводу отъезда, мне хочется сказать Вам несколько слов.

В марте 1921 года, волна Кронштадского восстания, выбросила на скалы Финляндии сотни две Кубанских казаков. Что ждало их впереди? Суровый лагерь, для слабых духом - советская амнистия. Для более стойких - борьба за беженское существование расбросанными по чужой стране, без языка.

Спустя полгода, в Фридрихсгам пришел на лыжах беженец, недавно покинувший советский рай. Он почти голым перешел границу, сидел в Финляндии в тюрьме и наконец - работал в глухой деревне.

Он был беден, но бодр душою и силен духом. В нем не погасла вера в правоту дела, за которое пролита кровь. Это был "казак Бідалага" - полковник Елисеев.

Прошел еще год. В 1923-м году, в районе Фридрихсгамма скучковались Кубанцы. Казак-Бідалага их Центр, их Ядро. На праздники к нему съезжаются со всей Финляндии уже десятки казаков - бравых, не потерявших строевого вида, молодцы на подбор - в белых папахах и чевяках, скроенных их же Батькою-Атаманом. Их лихая лезгинка, бодрая песня и патриотические стихи - веселят сердца заброшенных сюда русских. Казак-Бідалага - первый среди них. Сплотил казаков Бідалага, рабочий сам, таская на плечах тяжелые доски на верх, на штабеля и, не зная усталости, ведя переписку с полусотней кубанцев и, иногда, влезая их навещать.

Он был им старшим братом и станичным Атаманом. Велика заслуга полковника Ф.И. Елисеева: - встречая иногда и несочувствие и недоверие среди русских - он настойчиво и неуклонно продолжал свою работу и собрал из беженской пыли стройных бойцов за Родину.

С сожалением теперь разставаясь с казаками, с которыми мы здесь сроднились - я желаю им счастливо устроиться на новых местах, где они, я уверен, покажут себя такими же трудолюбивыми и честными работниками, какую славу по себе они оставляют здесь.

Честь имени Российского казака-кубанца, в чужой стране, казаки держали высоко.

Прошу принять мой искренний привет. Уважающий Вас,

19 октября 1924 года.
г. Фридрихсгам. Финляндия.

М.Архипов.

- . -

О духовном состоянии этих Кубанских молодых казаках, мобилизованных в красную армию в 1920-м году - небезинтересно поместить примитивное стихотворение казака ст. Березанской, добряка по натуре, Ивана Операй.

Ой стрэпэнулось сэрыцэ молодое,
Услыхав тревожный звон -
Слышно было по станыцям -
Выходы з Кубани вон!

Пойіхалы мы з Кубані
Аж до города Казані,
А в Казані нас гонялы,
И сәләдку нам давалы.

Из города отправлялы,
Ничего нам ны сказалы,
Мы йіхалы суток пять,
Каждый думав - як бы вдрать!

Прийіхалы у Кронштат,
Сталы думать и гадать,
И кубанци зхитрували,
У Хвынляндью удралы.

г. Виши. Франция. 1926 год.

На острові Туркын-сарі,
В бараках въялы и лыжали,
Прийшов Батько Еліснів,
По Хвынляндіи розсыпів.

Після крикнув: "Собиратесь в кучу,
Создадым козачу группу!"
И кубанци одкликались,
В путь дорожку собирались.

И прийшов приказ од Батька -
Во Хранцю вийїжайка,
Бо хранзюзы свои люди,
Веселіше жить там будэ.

Бо там города Виши и Ныця,
И Хвынляндьска наша станыця.
Так старався Бідалага,
Для козачого він блага.

Козак Иван Чайка

- . -

Более красочная характеристика этих молодых Кубанских казаков ждала в Гельсингфорсе, в столице Финляндии. Сотрудник местной газеты "Новая Россия Вести" Иван Саволайнен, финн по рождению, но русский офицер Добровольческой армии, поэт под фамилией Иван Савин, видимо от полковника Архипова узнал об интересном фольклоре Кубанских казаков, выявленных в своих песнях и танцах - просил меня дать концерт в Русской гимназии в пользу их газеты. Я согласился.

Мы в Гельсингфорсе. Остановились все вместе в гостинице в ожидании парохода и дали свой концерт. Вот отзыв о нем самого Ивана Савина.

ВЕЧЕР КУБАНСКОЙ СТАНИЦЫ. /Так обявлено было в местной русской газете/

"На помостках, на сех составленных из разобраной сцены - Кубанские казаки, случайно попавшие в Финляндию, случайно остановившие на день в Гельсингфорсе - пели наспех подготовленные песни, танцевали в родных, чудом сохранившихся костюмах, с самодельными кинжалами - просто, наивно, как-то по-детски читали стихи про Россию, про Кубань. И переполненные небольшой зал зрители, в большинстве своем далекие и от России и от Кубани, давно разучившиеся быть простыми, явно уже потерявшие детскую веру в правоту свою - грохочущими всплесками аплодисментов, сиянием широко раскрытых глаз, улыбкой дрожащих губ - встречали они каждую песнь казацкую, каждое слово, пляску каждую.

Было это так странно, неожиданно очень. Может быть не только один я, идя на этот вечер-экспромт, думал: - разве они разшевелят нас, уставших от слишком долгой чужбины, нас, полумертвых?

Разшевелили. С глубокого чувства национального унижения сняли тяжесть. И огромной, сверкающей, ширококрылой птицей закружилась над самодельными кинжалами, над грохочущим залом - душа русская. Та, которую ничем не убьешь, никогда не задушишь.

Бессмертная любовь к России, вечная жажда ея, как старое вино - опьянили, зажгли, разстроили нас. Мы ошиблись, чудесно ошиблись: - в каждом из нас никогда не умирала Россия.

Вот почему заглушенный безвременьем цветок русский, так ясно и радостно затрепетал в сердцах наших, когда понеслись со случайной эстрады песни о Родине.

Ласково любили в тот вечер Россию. Пели о ней не только те, с деревянными кинжалами, с золотыми сердцами. Пел о России пожилой полковник в третьем ряду, пел и, кажется, плакал, стоя аплодируя кубанцам.

Пел о России и гость кубанцев, Д.А. Смирнов, певец с мировым именем. Пели о России сотни женских глаз, сверкающих во всех рядах гордостью и любовью.

Пела о ней, рвалась к ней, ждала ее молодежь, заполнившая задния скамьи, окна, сцену, лестницу.

В этот незабываемый, единственный вечер, они, случайные орлята Корниловских полков - не случайно показали на бедной эстраде свою Кубанскую станицу. За станицей, за белыми шапками, за молодецким плясом гармонии - во весь рост стояла Россия бывшая. И будущая. Ибо так верить в Россию, так ждать ее - могут лишь те, кому еще суждено воскресить былое, самим прийти и других привести на родные поля.

За статной фигурой "Батьки" Елисеева-Бідалаги - не вырисовывается ли высокий седой старик, слова которого мы все ждем так в этой гибельной тьме? /Это сказано о Великом Князе Николай Николаевиче, Ф.Е./

За пятнадцатью кубанцами хора Батьки не виднелись-ли миллионы гордых сердцем и духом, готовых по первому зову Вождя нашего, начать новую последнюю борьбу за душу, за совесть, за жизнь русскую?

Они будут, они придут. Надо вот только ждать так, как ждали все мы в этот чудесный вечер, любить так, как любили эти случайные гости с деревянными кинжалами и стальной волей.

И верить надо как они, незаметно, крепко-крепко, по-детски!.

Иван Савин.

Как указал выше - поэт Иван Савин, автор стихов "Ладонка", изд. 1926г.

После концерта, для всех 50-ти казаков был накрыт стол с закусками и выпивкой. Публика тогда в Гельсингфорсе была изысканная, Петербургская и еще мало походила на эмигрантов-беженцев. В бальных платьях, знатные дамы проявили исключительное внимание к этим молодым Кубанским казакам.

После короткого ужина открыт был бал и, в танцевальном зале, вновь понеслась лезгинка и навприсядках "казачек", мелькая среди нарядной наэз-зальтированной публики своими маленькими белыми папахами.

Так в суровой Финляндии, вдали от Родины-Кубани, молодые и еще не живые казачата, взбудоражили Российскую публику исполнением своего казачьего обыкновения в песнях и плясках казачьих.

Казачье имя, как службу одному Кубанскому Войску, они пронесли достойно, даже, в своих неизгодах. Летами, я был старше своих казаков на 8-9 лет. Они обращались ко мне в глаза, и за глаза, и в письмах - Батько.

ДЖИГИТОВКА ВО ФРАНЦИИ. В ПАРИЖЕ.

Финляндско-Кубанская станица во Франции. Отбыв 3-х месячный контракт на химическом заводе у самой Испанской границе, у города Люшон - с весной 1925г. она переселилась в г. Виши. За городом была снята необитаемая ферма для общежития. Работая расбросанно - имели общую столовую и общий интерес. По праздникам, в городе - в белых шапченках, в бриджах, в чевяках. А по вечерам - в город неслась эхом казачья песнь.

Вдруг телеграмма из Парижа от генерала Шкуро. Просит прибыть к нему

по важному делу. Я у него в белой шапченке, в чевяках. Здесь он поведал, что организуется джигитовка, просит принять участие и прибыть со своими казаками - джигитами, певцами и танцорами. Дает аванс на 20 человек для железнодорожных билетов, возвращаюсь в Виши и с 20-ю "финляндцами" прибываю в Париж.

В русских газетах Парижа замелькали обявление-призыв к джигитам - влиться в его ряды. Одновременно формировался хор трубачей и хор песенников.

Изстари захватывающий любимый конный спорт, молодые годы, вера в людей и еще не опустошенная казачья душа, всегда так щедрая, даже, на жертвы - все это вместе взятое неудержимо двигало многими, что бы влиться "в джигитский стан", к генералу Шкуро, словно на подвиг ратный.

Генерал Шкуро был духовный организатор всего ансамбля, но джигитов формировала "шестерка", как главные застрельщики джигитовки. Коротко о ней, о шестерке.

В Болгарии образовалась группа джигитов Кубанских казаков. Страна бедная и расходы не оправдывали доходов. Шесть человек из них, получив визы, прибыли в Париж и обратились к генералу Шкуро за помощью - открыть джигитовку в Париже. То были: - 1. есаул Савва Панасенко станицы Уманской, 2 - сотник Георгий Рябчун ст. Пашковской, 3 - сотник Сергей Проценко ст. Безскорбной, 4 - хорунжий Иван Сопельняк ст. Пашковской, хорунжий Галай ст. Дядьковской, 6 - Донского Войска есаул Саран Ремелев, родом калмык.

Кроме есаула Ремелева - все они были офицеры военного времени, из урядников. Кроме того - когда Шкуро был хорунжим в 1 м Уманском полку в мирное время - в те годы Панасенко был урядником. Он и обратился теперь к генералу Шкуро за содействием. Шкуро имел связи в Париже, и через одну артистку нашел миллионера-француза, внушил ему "поднять дело джигитов", но в большом масштабе; и подготовка началась.

Хозяин всего дела - Саказан, банкир и адвокат по профессии. Говорили, что он родом сириец. Высокий, крупный, лицом смуглый, с черными как смоль волосами. Изысканно одет, всегда в лакированных ботинках и со стеком в руках. Имел громкий голос. Богатый и щедрый - он произвел впечатление сильного и делового человека. Говорили - что он отпустил два миллиона франков для подготовки всего ансамбля, который должен состоять из полсотни джигитов, такого же числа трубачей и до ста человек песенников.

Куплены были лошади, заказаны седла. Для всех пошиты черкески - для трубачей красные, для песенников синие, а для джигитов по два комплекта на каждого - синий и белый. Весь ансамбль в белых папахах. Кратко говоря до двух-сот человек были обмундированы в Кавказскую форму "с ног и до головы".

Все были на полном иживении г-на Саказана - довольствие и жизнь в отелях.. Для всех была общая столовая, со своими поварами и разными прислужниками.

Хор трубачей и хор песенников почти полностью состоял из офицеров Добровольческой армии и только джигиты являлись доподлинными казаками и, главным образом - кубанскими. Розмах организации и расходы по ней, можно сказать, были неизчислимы. Образовались - своя портняжная мастерская, чевчышная, седельная. Это была почти воинская организация в три сотни казаков.

В принципе, духовно, во главе стоял генерал Шкуро. Джигитами руководил есаул Панасенко. Хор песенников был чисто строевой. Им руководил Терского Войска полковник Лавров, бывший офицер Конвой Его Величества Императора НИКОЛАЯ 2-го. Он выпуск 1911 г. из сотни Николаевского кавалерийского училища.

Хором трубачей руководил старый капельмейстер какого-то пехотного полка в прошлом.

Во главе всей администрации стоял полковник Сейдлер, артиллерист, соратник Шкуро его походов-возстания на Кубани и Терека с 1918г. Милый добрый человек. С ним вместе отступал "от Воронежа и до Кубани" в 1919г.

Он был брат артистки, уговорившей Саказана "поднять джигитовку".

Всю хозяйственную частью, всеми заказами на седла и обмундирование, заведывал генерал Савицкий, перед революцией 1917г. есаул Конвоя Его Величества, а в 1918г. - первопоходник, член Кубанского Краевого Правительства по военным делам, ставший в том же году генералом.

Заведывающий конюшней был генерал Н.И.Малышенко, бывший командир 1-го Черноморского полка в 1918-19гг., так-же первопоходник. Его помощником был полковник Сергей Макеев, ставший потом "верховным атаманом" одной из групп самостийников.

На каких-то ролях при джигитах, в пешем строю, были Оренбургского Войска, генерального штаба генерал Акулинин, и Терского Войска генерал Лазарь Бичерахов, которых мы уважали за то, что они держались в тени и ничем и никогда не проявляли своей власти над нами, которой, кстати сказать, и не имели...

Все мы имели 2-х годичный контракт, с указанием месячного жалованья, но он был подписан не г-м Саказаном, а неизвестным нам "А.Перес и Кампани", т.е. - Перес и торговая кампания.

Джигиты, в оплате жалованья, были разбиты по категориям. Мы, "первая группа", получали полторы тысячи франков; вторая группа - 1.200, а 3-я - 1.000. Вестовые и ученики - 700 - 800 фр. Последняя цифра в те годы равна была заработку простого французского рабочего на заводах. Как указал раньше - мы все были на полном довольствии, обмундировании и с оплатой комнат в отелях - от хозяина, т.е. Саказана. Как потом оказалось - А.Перес был подставное лицо.

Для выступления столь многолюдного ансамбля был арендован обширный "Стадион Буффало" в ближайшей окрестности Парижа города, Монруж.

Прибыв в Париж, что ярко бросилось в глаза - это громадные листы рекламы на всех видных местах и на всех станциях подземной дороги /в "Метро", по-английски "Собвэй"/. Открытие Казачьего Представления было назначено на 20 мая 1925 года. И оно открылось.

Духовой оркестр в красных черкесках, при белых бешметах и белых небольших папахах - вздыпал душу всех бравурными русскими военными маршами.

В синих черкесках и красных башлыках за плечами, в косматых белых папахах, сотрясая землю щеголеватою военно маршировкою, и наполняя воинственными песнями широкое воздушное пространство над открытым стадионом, величественный хор около ста человек.

Свою хищную кавказскую скользящую походкой, лаская взгляд зрителей врожденной внешней красотой и элегантностью черкесок разных цветов, разных папах, без башлыков - привлекал взор зрителя два десятка танцов - Кавказских горцев - туго затянутых дорогими поясами в своих узких талиях, суровых видом.

Но, главное: - под взором десятков тысяч горячо влюбленных глаз - в косматых белых папахах, в белых черкесках с красными башлыками за плечами, словно демоны на гарцающих лошадях, затаенно молча шли "они", на которых был построен "гвоздь" всего казачьего ансамбля-представления - джигиты. Их шесть десятков шли следом в общем, гипнотизирующем своею импозантностью кавказской красотой, в казачьем параде. Во главе же всех групп, в черной черкеске, в "волчьей папахе", обнаженной шашкой - в седле шел генерал Шкуро, обвеянный боевой славой и легендами.

Стадион Буффало имел 20 тысяч ярусных мест под крышами, огораживающее открытое поле с трех сторон. Обширность поле было таково, что на нем можно было производить конное сотенное учение.

На это первое казачье выступление были приглашены - бывший Походный Атаман всех Казачьих Войск во время 1-й Мировой войны, Великий князь Борис Владимирович, председатель правления военных инвалидов генерал Барятов и многие другие высшие генералы. При прохождении мимо них, сидевших вместе - генерал Шкуро салютовал шашкой.

Таков был "первый вызов" от казаков избалованной парижской публике перед началом казачьего представления.

Само-же представление... Оно было, буквально, сказкой из тысячи и одной ночи, что пережил каждый казак в своей станице иль в полку родном. Там тогда все слилось нераздельно: - и ширь души, и мощь великая, и лихость безудержная, и дикий гик над несущейся во весь опор лошади, и песня славная казачья, щемящая, зовущая, бушующая и, наконец, феерический казачий танец, не знающий удержа в своем розмахе и кавказская лезгинка в своей дикой красоте и стильности.

Встряхнули казаки тогда Парижем. От Авамана Платова и до майских дней 1925 года - не видывал он столь образно представившихся ему казаков, если оно, казачество, находится в дисциплине.

Таковой парад был ежедневно перед началом представления. И парадный марш и само представление были особенно эффектны приочных выступлениях, под большими яркими огнями электрических ламп. То был настоящий цветник черкесок, папах, башлыков....

Под несмолкаемый оркестр трубачей - начиналась джигитовка. Под дикий "гик", непрерывной лентой высакивали джигиты из сомкнутого строя, не оставляя ни на секунду внимания зрителей.

Что бы приготовиться к разным "пирамидам" - этот перерыв заполнял хор песенников и танцоров. После пирамид - вновь парад вокруг всего обширного стадиона под несмолкаемые аплодисменты публики, устраиваемые "стоя".

Для рекламы, в город, в самые людные центры Парижа, на открытых автобусах, направлялись видные своим внешним видом, и джигиты, и песенники в Э-х цветах черкесок - белых, синих и красных, как эмблема Российского Государственного флага. Садились, конечно, группами по цветам черкесок.

Жить и работать было весело. По соседству с Стадионом обозначился, в одном из французских баров, "Джигитский уголок", в который, в свободные часы, джигиты пили вино и без конца лились протяжные песни казачьи. Опытный в торговле хозяин француз, для привлечения щедрых и веселых "артистов-казаков", перед входом, построил большой плакат, на котором, по-русски было крупно написано: - "Джигитский уголок". Это понравилось и польстило джигитам и они шли туда уже "как к себе домой"...

Так продолжалось ровно один месяц. Это было, все-же вне "стен Парижа". И широкий по натуре Саказан - перенес все на "Марсово Поле". Оно находилось у знаменитой Эйфелевой башни. На пустом просторе были построены лагерного типа крытые места для публики и конюшни для лошадей. На тротуаре, у входа в новый стадион - была построена высокая казачья "вышка" времен Кавказской войны. На ней, как и на Кавказе - стоял "часовой". А по соседству, на углу широких улиц, у "Эколь милитэр"/Военная школа/ - вновь открылся "Джигитский уголок"... Казаки разбогатели. Появились свои собственные черкески, каракулевые папахи разных оттенков. Работали и веселились

Упоенный успехами казаков - Саказан решил со всем казачьим ансамблем совершил турне по Англии. Не верилось в это, но оно совершилось.

Что случилось - нам было неведомо, но генерал Шкуро был уволен со службы. Это многих "задело" и опечалило. Все знали, что это он, своим авторитетом среди казаков, собрал всех джигитов и, вообще, собрал весь ансамбль. На призыв неведомой ни кому "шестерки", иль самаго миллионера Саказана - - трудно предположить что бы получился таковой мощный отклик, и джигитов, и певцов и музыкантов. Шкуро умел подойти к душе каждого человека и импонировал над иею. Но..."Мавр сделал свое дело - Мавр может уйти" - осталось житейской подлой истиной.

Шкуро тогда жил бедно. Квартирка из двух маленьких комнат. Гамалий, Панасенко, Рябчун и я посетили его в знак признательности за несправедливость хозяина Саказана к нему. И его супруга, тут-же, на плите в одной из комнат - жарила нам печенку, как самое дешевое блюдо....

Отправляясь со всем ансамблем в Англию - Саказан решил одновременно использовать в джигитском турне и Францию. Выделив 70 казаков и 30 лошадей - это дело поручил он мне. Представителем его, в приискании городов для казачьего выступления, был назначен инженер Мелихов, родом Донской казак, есаул инженерных войск. При нем француз кассир и еще кто-то.

Еще когда мы выступали на Стадионе Буффало - Саказан из Болгарии выписал группу джигитов Донского Войска во главе с полковником Николаем Яковлевичем Шляхтиным. Он был сменим офицером, кажется, даже, командиром сотни юнкеров Новочеркасского Атаманского военного училища. Отличный джигит и наездник. В 1913-м году он окончил Николаевское Кавалерийское училище в Петербурге, будучи вахмистром казачьей сотни юнкеров. С ним прибыли несколько юнкеров и молодых хорунжих, его воспитанников. Не знаю почему, но ему не понравилась "вся шестерка". Он отказался ехать в Англию и со своими джигитами влился в мою группу, став моим помощником и заместителем. Главным же ядром песенников и танцоров - были "мои финляндцы", коих было чуть выше 20-ти человек. Молодые и послушные - они явились ядром воинской дисциплины и в джигитовке, к которым примкнули и другие.

В труппе было свыше 20-ти донцов, так-же крепко связанных между собою и дисциплиной и Войсковым единием. Для истории - отмечаю главных из них:

1. Полковник Шляхтин Николай Яковлевич, 2. Полковник Зеленков Михаил Степанович, 3. Войсковой Старшина Кузнецов Василий Васильевич, 4. Войсковой Старшина Голубев Алексей Матвеевич, 5. Войсковой Старшина Лазарев, 6. Войсковой Старшина Болдырев и 7. Есаул Сохранов Федор Апплонович.

Колоритными фигурами Донского Войска были три брата Симоновых - старший Николай в чине сотника и младшие - Иван и Григорий - оба подхорунжие. Все песенники, а младшие отличные лихие и безшабашные джигиты. Они казаки станицы Гундоровской.

Все умерли. В живых остались - В. В. Кузнецов, сейчас Атаман Донской станицы в Брюсселе, Бельгия и Федя Сохранов, любимец всех, проживающий в Нью-Йорке.

Колоритную фигурую был Алеша Голубев, как мы все его называли, мы, старшие. Он меньший брат Войскового Старшины Голубова, который поднял мятеж против Атамана Каледина, перебросившись к красным. Алеша-же был ярый монархист и уверял своих донцов, что брат его не был "красным" а был также монархистом и имел "свою цель". Алеша Голубев был отличный джигит и песенник. В Льенце он был выдан красным, в Сибири провел 10 лет... После долгих ходатайств, вернулся в Бельгию, где жила его жена, родом Донская казачка, и взрослая дочь. Жуткая судьба всех..

Приятно было видеть в своих рядах сослуживца по мирному времени и по Турецкому Фронту 1914-18 гг. есаула Александра Семеновича Некрасова, казака ст. Николаевской Лабинского Отдела. После Воронежского кадетского корпуса, он окончил Николаевское кавалерийское училище в сотне юнкеров 1913 года и вышел в 1-й Кавказский полк. Отличный офицер и полковой товарищ - он был любитель лошади, крепко сидел в седле, уверенно владел шашкой и пикою. В хоре - густой бас. Шляхтин, Некрасов и автор этих строк - были сверстниками и летами и по окончании Военных училищ, потому на дело казачье и джигитское - смотрели одинаковыми глазами.

Прибыл из провинции Франции хорунжи² Александр Галкин, казак ст. Батальшинской. После Владикавказского корпуса - окончил 12-ти месячные курсы сотни юнкеров Николаевского кавалерийского училища. Соратник генерала Шкуро с первых дней его восстания на Кубани. Командиром сотни 2-го Хоперского полка отступал он со мною в 1919 г. "От Воронежа и до Кубани". Отличный гордый офицер. Хорошо воспитан. Музыкален. Его я не видел с 1920-го года. Встреча была особенно приятна. Бывший легионер 1-го Кавалерийского полка Французской армии - теперь он носит фамилию "Николай Петрович Корсов".

В общем - группа подобралась приятная, с воинскими устоями. Это сулило дружную жизнь и работу в джигитском турне по Франции.

ДЖИГИТСКОЕ ТУРНЭ ПО ФРАНЦИИ.

Перед выступлением на Стадионе Буффало - там же, в заднем дворе, был совершен молебен. Теперь, отправляясь в Англию - был также отслужен молебен о даровании счастливого пути.

Итак - главная труппа выехала за море, а новая труппа, поездом, выступила в город Блю, что на юг от Парижа. Это было в самом начале июля месяца 1925 года.

За городом - обширный плац для разных состязаний. При нем летния постройки для артистов с кроватями, с матрацами. Расположились все кучно. Питание в городе во французском ресторане, куда отправлялись на открытых грузовиках. Представление - как и в Париже: - джигитовка, песни, танцы, заканчивая все несколькими пирамидами и вольными номерами.

Казаков здесь еще не видели ни в джигитовке ни "в образе". Группа молодых интеллигентных французов, после одного представления, просят к себе в гости меня и полковника Шляхтина. На автомобиле везут куда то. Приехали, вошли в богатый особняк. Там группа пожилых французов культурного вида. Принимают радушно. Угошают и приветствуют нас "как кадровых офицеров Российской Императорской Армии от Роялистов Франции".

Мы удивлены. Спрашиваем - почему? И слышим ответ, что их город старинный, вокруг него много замков Королевской Франции, они "Роялисты"/по-русски "монархисты". Ф. Е. / - вот почему им и приятно приветствовать офицеров союзной Российской Императорской Армии.

Следующий город Тур. Он по-соседству от Блю на запад. Оба города лежат на большой реке Луара, точнее сказать, на юго-запад от Парижа.

Здесь плац в городе, с трибунами, но житейских удобств было меньше. Были введены "номера" - рубка лозы и "умывание невесты". На песни и танцы выходили все семьдесят участников.

Группа отшлифовывалась, но расход на ее почти полностью поглощал доход. Главный "гвоздь представления" джигиты на 30-ти лошадях, а людей 70. Мы, старшие офицеры, и лучшие наездники, решили сократить труппу и уволить некоторых, мало полезных в деле. К этому делу подошли осторожно. На общем

собрании поведали всем о своих планах, назвали фамилии тех, кто мало пригоден... Почти все сознали это, а некоторые и сами решили уйти. Всего было уволено свыше 20-ти человек. По-французскому закону, дирекция уплатила уезжающим за две недели вперед. Разстались хорошо, совершенно беззлобно. Нас осталось чуть свыше сорока человек.

Наша администрация от Саказана оказалась недостаточно энергичной. Из г. Труа некуда было ехать. Я предложил наш город Виши, в котором и казаки и лошади будут помещены бесплатно в нашей загородней ферме Финляндско-Кубанской станицы и будет своя общая кухня. Предложение радостно было подхвачено и мы в Виши.

До выступления несколько свободных дней. Половина джигитов Донские казаки, о которых поется в их песне - "Донцы пиками владеть имеют". Я также любил пику. В Оренбургском казачьем училище все три рода ученье с пиками. Кстати сообщаю читателю - мы юнкера имели форму Оренбургских казаков, шаровары с синим лампасом и только погоны были алаха цвета, обшитых серебряным галуном. На 120 юнкеров сотни училища - кубанцев и терцев было человек сорок, но учения с пиками были для всех обязательны, хотя ни Кубанское ни Терское Войска не были вооружены пиками. Все складывалось так, что введение пики в наше представление приветствовалось активно.

Был снят стадион "Конкур иппик" в центре города, где всегда происходили конные скачки с препятствиями, исторические представления и рыцарская ристалища. Отличная постоянная ярусная трибуны для зрителей. С улицы Ман Морес - высокая каменная стена с глухими воротами и калиткой, говорили о заминутности этого стадиона. Конница входила с другой улицы и размещалась под навесами. Все это окружалось какою-то таинственностью предстоящего выступления в былом. Теперь же сюда прибыли конные казаки впервые и это, так-же, говорило жителям, и курортникам ото всех стран, о каком-то новом и таинственном выступлении "сынов степей и гор" далекой России.

Надо было случиться так, что в эти дни прибыла из Испании труппа тореадоров для своего выступления в Виши. В городе был специальный стадион "для боя быков". По-испански, это представление называлось "Коррида".

И вот, условились, что - "для наглядной рекламы, по главным улицам города, будут следовать в экипажиках тореадоры а за ними конные казаки".

Французские лошади под седло были хорошего качества, крупнее наших кабардинских лошадей, но они у нас были разных мастей, больше гнедых с разными оттенками, а мы были не нарядные уланы, иль гусары, в одноцветных красивых кавалерийских мундирах... мы были, и оставались быть "иррегулярной легкой конницей", которая, своим внешним видом была, хотя и интересна, экзотична, но не была нарядна. Поэтому - "покорить город", мы решили песнями в конном строе.

"На конь" посажены все лучшие песенники, хотя бы они и не были джигиты. Не подчеркивая и не хвалясь - лучшими и сбитыми по-голосам песенниками были "мои финляндцы". К ним влили и других. В строю все офицеры, что бы свои видом в седле, посадкою, украшать строй. Все были довольны и возбуждены. Здесь нужна была, и наша реклама как джигитов и реклама Казачества.

Процессия тронулась от вокзала по главной улице "Рю дэ Пари" к центру. Впереди, на местных маленьких экипажиках, по два тореадора в своих оригинальных нарядных костюмах, щедро разшитых галунами. На головах маленькие шапочки, так-же в галунах. Они важно сидят, откинувшись назад на сиденьях и, смотрят только вперед, николько не обращая внимания на публику, встречающих их на тротуарах апплодисментами. За ним, в непосредственной близости, шел взвод конных казаков в двух-шереножном строем с песнями.

Скромным своим костюмом блистали и мы. Заказанные Саказаном в Париже синяго сукна черкески еще не пришли к нам. Джигиты одеты в белые рубашки-бешметы, в красные бриджи с серебряными галунами на них и в небольшие белые папахи. Сочетание цветом яркое, приятное. Главное - все одеты одинаково. Все это приобретено в Париже, где была полная возможность..

После окончания Великой войны 1914-18 гг., кавалерия Французской армии была сильно сокращена в своей численности и обмундирование выброшено на рынок. Бриджи красной диагонали с черными лампасами стоили гроши. Саказан одел в них всех джигитов и певцов. Кубанцы и Терцы, в джигитской мастерской, переселили их "на очку", выбросили черный лампас и вместо него, нашли серебряный галун в два пальца шириной "басона вахмистра". За ними последовали и Донцы, т.к. "корсаж брюк" толстый талию и был не практичен.

Вот так случайно образовалась форма всех джигитов тогда, в которой они "покоряли" город Виши.

Виши - маленький курортный город, очень чистый, тихий и нарядный. В нем не было, даже, и машин-такси. Существовали извозчики с маленькими экипажами, некоторые с балдахинами из белого полотна над ними от жары. Курортники нанимали их "по часам" и шагом следовали по улицам, рассматривая город, делая свой лечебный мотцион. И вот, в таком тихом и чистеньком городе - зазвучала казачья песня в конном строем.

Песни подобраны были звучные, голосистые, что бы эхом неслись они широко вдоль улицы. Передняя шеренга джигитов - первые и вторые тенора. Вторая - басы. И песни полились...

В центре города большой парк, растянувшийся на несколько кварталов. В нем лечебные сурсы/с целительной естественной водой. Сплошные ряды скамеек. Это есть главный парк и отдых для всех жителей города. И вот, когда конная группа казаков появилась возле парка - вся публика бросилась в их сторону, что бы поближе увидеть неведомых им казаков и послушать неизвестные им их песни.

Парк с песнями обойден с трех сторон и публика толпами перебегала с одной стороны на другую, что бы не пропустить возможности смотреть казаков и слушать-слушать их песни живых молодецких.

Реклама сделала свое дело. В день выступления - стадион был полон народа. Парад с пиками. На них голубые флюгера. Страй в две шеренги. Фланговыми "урядниками" - полковники Шляхтин и Зеленков. На правом фланге, на высоком шесте - больший белый флаг, на котором, донец юнкер Карпов, масляными красками, нарисовал Св. Георгия Победоносца на белом коне, копьем поражающего дракона. Его держит статный сотник-кубанец Гальников, типичный лихиец одной из станиц Майкопского Отдела в горах. Общее впечатление появление казаков здесь сильное и небывалое. Уж при прохождении самого парада аллюром шаг - вызвал несмолкаемое аплодисменты.

Мы все воины. Внешне не стали ими только пять лет тому назад, но душа у всех была воинская. При наличии многих офицеров в группе, все делалось, исполнялось в работе чисто по-воински. При наличии запасных казаков без лошадей - установка станков для рубки лозы, для пик, перемена лоз, установка шаров, выравнивание цветных платочеков "для нагибания" - все делалось быстро, сноровисто, привычно, бегом "на носках"...

Все представление проходило отлично. Заключительный парад на широких руслах разгоряченных лошадей и возбужденных джигитов, с пиками "на бедро" и с выбрасыванием их вверх, как ответный салют на приветствия публики - вызывал вновь град аплодисментов. Некоторые фотографические снимки зафиксировали работу казаков на коне и... "покорение города Виши". Все это хранится у меня в альбоме. Пояснение: - "сурс", по-русски - источник.

Джигиты в Бордо. Это большой портовой город на реке Гаронна, впадающей тут же в Атлантический океан. Громадный стадион. При нем постройки для артистов спорта. За ними лужайки с лесом. Джигиты расположились биваком. Здесь же и своя собственная кухня. Поваром армянин Асланов из Армавира. Летами он сверстник нам и совершенно "оказаченный" во всех отношениях. В группе его двоюродный брат, Асланов, подхорунжий Кубанского Войска. Он смел в седле, активен и не плохой джигит. В группе два Кубанских черкеса, Пеюк Хачимизов и студент Чуков. Терцы представлены сотником Василенко. Он из урядников. Отличный джигит и скромный в жизни. Никаких различий "по Войскам и народностям". Все живут очень дружно. Общая работа и общее питание под деревьями теплого лета - сближает людей.

Представления начались. Они прошли здесь с исключительно большим успехом и денежным заработком. Мы все были на жалованье, но все же - радовались материальному успеху нашей дирекции.

В Бордо ярусы для публики были цементовые. Они холодны. Но при каждом сидении имеется подушечка. И вот, когда джигиты проходили своим заключительным парадом, то публика, от восторга, схватывала свои подушечки из под сидений и забрасывала двухшереножный строй казаков с пиками в синих черкесках с белыми папахами. Сюда пришли уж наши черкески, заказанные Саказаном в Париже.

Совершенно неожиданно для нас, в Бордо прибыли два главных члена "шестерки" - есаул Панасенко и сотник Рябчун. Они отлично одеты, в собственных черкесках. Хотя Донская Старшина встретила их не совсем дружелюбно, но все окружили с распросами: - что там в Англии?... как работает труппа?... почему они здесь?.. и пр. Недоговаривая до конца, рассказали, что они, шестерка, поругались с предпринимателем Саказаном и вернулись во Францию.

Пробыв в Бордо сутки и посмотрев одно наше представление - они вернулись в Париж. Наша же труппа выехала дальше на юг, в курортный городок Аркашен.

Было начало августа месяца. Дивная погода. В городе небольшие здания. Весь город в садах, в зелени, в цветах. У заводей океана - искусственные поля для разведения устриц. Стадион небольшой, вокруг него деревья. Уютно. Никаких трибун для публики. Казачье представление они наблюдают непосредственно через деревянный частокол, стоя. Казаки видят их лица, слышат восторги их и непрерывной лентой сменяющихся "картин-номеров" своего представления - славят Казачье имя.

- . -

Труппа перебрасывается дальше на юг Франции, в г. Тулуз. Многонаселенный город. Снят "Велодром дю Базакль". При нем хорошая удобная пристройки для артистов, в котором мы и поселились. С 8-го по 16-е августа безпрерывно давались ежедневно два представления - дневное и вечернее, при огнях. Мы втянулись в работу. Вымуштровались. Крепко сдружились. Мечтали о новых городах, как неожиданно пришла "новость": - Саказан прогорел в Англии, труппа вернулась в Париж и распущена... Приказано прекратить представления и нашей труппе - закрыть ее. Лошадей и седла передать "шестерке" в счет долга им от Саказана.

Оказалось следующее.

Каждый член шестерки имел контракт с Саказаном. Как главные организаторы - персональное жалованье определялось в 24 тысяч франков в месяц. За дополнительные два выступления каждую неделю, они получали по 500 фр. за каждое. По тем временам, жалованье это было, как говорили, министерское, если не выше. Но... Саказан им не платил полностью, давая лишь аванс.

Задолженность накоплялась. В Англии, Панасенко потребовал уплаты. Саказан отказал. Что там вышло потом, мы так и не знали, но шестерка была уволена со службы и немедленно же выслана во Францию.

Савва Васильевич Панасенко, глава шестерки, был умный и дальний человек. Имея контракт - он подал в суд ото всех шести. Был ли суд, иль нет, но Саказан, в счет своего долга, уступил им всех наших лошадей с седлами и этим дело было закончено. Мы же, из Тулузы, раз, ехались по местам своего жительства. Кстати - наступала осень и работа, все равно, прекратилась бы.

Лично я не особенно показал об этом. Многие из нас знали, что это есть временная работа, вернее - как наше личное удовольствие в работе любимым делом и путешествие по Франции. - сколько

Кроме того - часть казаков Финлянд-Кубанской станицы жило в Виши, где был снят общий дом. К тому же - я был женат. Джигитское дело - удел холостых.

А П О Ф Е О З НАШЕЙ ГРУППЫ.

В Бордо представился нам украинец, назвав себя фотографом. Женат на француженке, достаточно богат, имеет свое фотографическое отелье. Стройный, видный, хорошо одетый, приятный. Отлично говорит по-русски. Просил разрешения ездить с труппой на свой счет и снимать нашу работу. Мы охотно согласились. Снимал нас только в работе - в песнях, в лезгинке и на карьере лошадей. Снимки получились удачные. К концу нашей работы их набралось много. Каждый выбрал себе что хотел. Снимки взяты в мягкий переплет и образовались альбомы.

Как и писал раньше - наша работа, да и взаимоотношения между собою, были почти что по воинской цисциплине. Был авторитет старших офицеров, как не угасло тогда еще у казаков уважение к старшим. И вот мы, старшие, решили послать в подарок эти альбомы всем Войсковым Атаманам Дона, Кубани и Терека, т.е. генералам - Богаевскому, Науменко и Вдовенко. Кроме них - и видным старшим генералам этих войск.

Сказано - сделано. Послали. Очень скоро я получил ответы. Они до сих пор хранятся у меня и включены в общий джигитский альбом. Вот они, от кого я получил:

1. От Донского Атамана генерал-лейтенанта БОГАЕВСКАГО

Многоуважаемый Феодор Иванович.

"Сегодня получил Ваш подарок - альбом джигитов. Сердечное спасибо за него. Для меня это будет приятная память о славных джигитах. А когда-нибудь завещаю, послѣ своей смерти, передать его в Донской музей.

Мой привѣт всем Вам; за ласку и вниманіе - от души благодарю.

Искренне сожалѣю, что отсутствіе средств не позволяет мнѣ взять джигитовку в свои руки и помочь Вам. Увѣрен, что с Вашей энергией - этот вопрос уже решен.

21 августа 1925 года.

Париж.

Уважающей Вас,

А.Богаевский.

Альбом и мое сопроводительное письмо к Атаману Богаевскому были посланы тогда, когда о прекращении нашей работы был уже решен. Думалось тогда всеми нами, что можно было продолжать дело своими силами, но для этого нужен был некоторый капитал. Атаман Богаевский был тогда представителем во Франции ото всего Об, единственного Совета Дона, Кубани и Терека, вот почему, по просьбе всех джигитов, в особенности Донцов, я и обратилися к Атаману Богаевскому. Его ответ был написан от руки, им лично.

/вопрос/

2. От Атамана Терского Войска, генерал-лейтенанта ВДОВЕНКО.

Генерал Вдовенко прислал мне ответ на своем официальном бланке,печатанный на машинке,который и произвожу полностью.

ТЕРСКИЙ АТАМАН
26 сентября 1925г.
№ 309.
Б Б Л Г Р А Д
Милоша Велик, 83.

Командиру джигитов во Франції,
Полковнику Елисєеву.

От души благодарю Вас и в Вашем лицѣ джигитов Дона, Кубани и Терека за присланный альбом.

Как казак и Атаман - я горжусь, что наши доблестные казаки в городах Европы, стяжают славу удачи, лихости и извѣчной неустрашимости. Пусть мір узнает эту широкую казачью удаль, этот подлинно твердый дух, эти крѣпкія сознанія, которые духовно не сдаются ни при каких обстоятельствах.

Пусть мір так-же познает, что русскій размах и казачья удаль не любят рубить в пол-удара.

Сердечный привѣт Вам и всѣм джигитам.
Да здравствует казачество и его извѣчные идеалы.

Терский Атаман, Генерал-Лейтенант
ВДОВЕНКО.

- . -

3. От бывшаго Донского Атамана 1918-19гг.на Дону,

Генерал-от-кавалерии П.Н. КРАСНОВА.

Глубокоуважаемый Полковник

и молодцы казаки-джигиты.

Примите мою самую сердечную благодарность за то, что вспомнили обо мнѣ и послали альбом Вашей лихой и молодецкой джигитовки, так много мнѣ напоминающей свѣтлых и чудных годов, прожитых с казаками.

Просматривая альбом - я поражен не только лихостью, но и безупречностью, и чистотою, и красотою приемов джигитовки: - правильно вытянутые носки, гибко согнута поясница, положение рук и ног - все, даже и на фотографіи, дает увѣренность в том, что джигитовка удается безукоризненно.

Вы мнѣ напомнили лучших джигитов, каких я видѣл - юнкера Николаевской сотни Николаевского кавалерийского училища.

Честь и хвала Вам, что Вы показали казачью лихость за границей и на себя научили уважать казаков, которые так памятны Западной Европѣ. Не за горами тот день, когда и Вы, и Ваши кони, понадобятся, что-бы

сослужить послѣднюю боевую службу - освободить Россию от коммунистов, а потом Вам предстоит у себя дома, в станицах Тихого Дона, Вольной Кубани и на берегах бурного Терека - обучать и воспитывать таких же молодцев, какими сумѣли пронести себя Вы, через всѣ бури Великой и гражданской войн и через нищенское существование бѣженца.

Нѣт!.. есть еще порох в пороховницах, не гнутся казаки!.. и чѣм больше казаков вернутся к своему боевому ремеслу и снова сроднятся со своим конем - тѣм легче и скорѣе пройдет время до нашего обратнаго движения со славою домой - под Русским стягом Великаго князя Николай Николаевича.

Посылаю Вам свой конный портрет, ибо, хотя уже по старости и не могу джигитовать, но привычка ъездить, скакать и прыгать - еще не оставил.

Приѣт Вам дорогим и милым моему сердцу казачьим офицерам и казакам.

Искренне преданный и благодарный Вам.

2 сентября 1925 года
с. Сантени. Франция.
№ 564.

П. КРАСНОВ.

Как и письмо Атамана Богаевского - письмо генерала Краснова написано от руки красивым четким подчёрком.

- . -

4. Почто-грамма, от командира Донского корпуса в Болгарии,

Генерал-Лейтенанта АБРАМОВА.

Полковнику Елисѣеву и Полковнику Шляхтину.

В лицѣ Вашем благодарю всѣх господ офицеров и казаков-джигитов за добрую память и присылку альбома прекрасных снимков.

На общем сборѣ в Старой Загорѣ 6-го сего сентября Начальников всѣх частей Донского корпуса - мы всѣ любовались, запечатлѣнными фотографіей, удалью и молодечеством родных Донцов, Кубанцев и Терцев.

Но общее наше пожеланіе - поберегите себя для будущей работы на родной нивѣ.

15 сентября 1925 года

Генерал-Лейтенант АБРАМОВ.

№ 2121

Стара Загора
БОЛГАРИЯ.

/Письмо отпечатано на машинке/

- . -

5. От бывшаго Командующаго Кубанской Арміей в 1920г.

Генерал-Лейтенанта УЛАГАЯ.

Письмо Ваше и альбом джигитов получил. Спасибо за память и за доброе слово.

Картины былой военной нашей службы, родныя картины нашей единственной в мірѣ джигитовки - хоть на короткое время отъѣхнили эти безотрадные

дни, безконечные туманы жизни изгнаника и перенесли мечты - и мечты и мысли - в другую эпоху, в другое переживание.

Хорошее Вы дѣло дѣлаете. Не имѣя, пока, возможностей служить Родинѣ больше активным образом - Вы, со своими джигитами, рассказываете перед иностранцами картины былой славной могучей Россіи, о которой, я думаю, во многих-многих странах - не имѣли и не имѣют настоящего представления.

Прошу принять и передать всѣм участникам альбома мою искреннюю благодарность за добрую память.

Без дерзанія, без активности, без риска - мы никогда не выберемся из проклятого болота. Новая сила, новая здоровая энергія, дерзновение и дерзновеніе - только это может оживить наши аппатичныя безвольныя души.

Крѣпко жму Вашу руку. Еще раз благодарю за память. Мой сердечный привѣт всѣм казакам-соподвижникам.

Уважающѣй Вас,

С. УЛАГАЙ.

9 сентября 1925г.

Марсель,

Франция.

/Письмо написано от руки четким размашистым подчерком, Ф. Е./

- . -

6. От Атамана Об, единенной Донской казачьей станицы в Парижъ,

Генерального штаба, Генерал-Майора К.И. СЫЧЕВА

Полковникам - Елисѣеву, Шляхтину и Зеленкову.

От имени Донской Об, единенной казачьей станицы в Парижъ, и от себя лично - приношу Вам и Вашим джигитам благодарность за присланный альбом.

В этом альбомѣ искусно подобраны художественные снимки, изображающие моменты жизни и дѣятельности горести казаков-джигитов, удальцов на чужбинѣ.

Я посчитаю своим долгом сохранить этот альбом до того счастливаго дня, когда мы опять будем дома, что бы передать его, и снимки с него, в музей - Донской, Кубанскій и Терскій, как знак того, что и в изгнаній казаки удивляли своею удалью Европу и поддерживали установившуюся за казаками славу первых в мірѣ наездников.

Примите моиувѣренія в лучших чувствах, преданности и уваженіи.

25 августа 1925г.

1, Рю дѣ л, Опиталь,
ФОНТЭНЭЙ
Су/Bya.

К.И. СЫЧЕВ.

/здесь слѣдует полная его подпись, помѣщенная выше. Письмо написано от руки лично генералом, Ф. Е./

- . -

Все письма написаны по старой орфографии. По содержанию их, можно легко определить политическая мысли вышеупомянутых генералов. Все они умерли. Страница их бытия закрылась. И наши альбомы не дошли до музеев Дона,

Кубани и Терека.

Альбом был послан в Югославию убанскому Атаману Генералу Науменко, Начальнику походного штаба Полковнику Соламахину и в Париж Генералу Шкуро. Первые два ответили "безо всяких красок", а Шкуро совсем не ответил.

Соламахин писал, что передал этот альбом Генералу Павличенко, который имел в Югославии свою группу джигитов. Для своей рекламы, он воспользовался некоторыми снимками и отпечатал их большими афишами. Соламахин прислал их мне с извинением от Павличенка, что отпечатал их без моего разрешения, где был один и мой личный "номер", под названием "ласточка", снятый в Аркашоне. Эти переснимки Генерала Павличенка, так же вклеены в общий альбом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Почему-же привел в восторг наш альбом вышеупомянутым видным Казачьим Генералам-Вождям? - возникнет вопрос у читателя.

Слово "артист-джигит" мы тогда не знали. Мы были казаки, случайные гости Франции и свое представление делали чисто по-воински. Кроме тех "номеров", которые были приняты на стадионе в Париже /прыжки, вертушка, поднимание платочеков, одной малой и одной большой пирамид/ - мы ввели рубку лозы, фланкировку пикою, уколы пикою в шар и в предмет лежащий на земле. Ввели три пирамиды - стоя на плечах двух казаков вверх ногами третьего, обыкновенная стойка третьего на плечах 2-х казаков, турник, Скачка стоя на подушке седла на одной и двух лошадях. Стоя вверх ногами. Эти номера делили единичные джигиты. Ввели "увоз раненого" и "умывание невесты".

Ввели строй: - спешивание с батовой лошадей, разсыпка в цепь, перестрелка, на конь и... в конную атаку. Было и обыкновенное спешивание, когда коноводы отходили назад, а потом, на вызов - мчались карьером к своим целям.

Скакали лавой, останавливались, клали своих лошадей на землю, стреляли из-за седел, вскакивали вновь на лошадей и неслись в атаку...

В антракте - на пение и танцы в середине поля - выходили строем, в ногу, с песнями. У нас своя гармонь /гармонист Д.В. Матвиенко, проживающий в Нью-Йорке/, бубен, тарелки.

Финальный номер - горящий соломенный барьер, облитый керосином. На него шли в колоне по-три, а потом развернутым строем. В клубах пламени и едкого дыма на миг скрывались казаки, рукавами закрывая лицо и тут же выскакивали с другой стороны. Все проделывалось на карьере, с гиком. Все это фотографически зафиксировано в альбоме. Вот почему старые сердца наших генералов и воспламенились любовью и яркой оценкой нашей работы.

"Старые сердца"... Теперь это странно слышать. За некоторым исключением - многим генералам тогда было от сорока и до пятидесяти пяти лет от рождения.

Прошли годы. В 1948 году, со своею труппою, я работал летний сезон в Голландии и Бельгии. Мне тогда было 56 лет. И только прыжки на обе стороны седла были уж тяжелы для такого возраста, но остальные джигитские номера - подхватывание платочеков с земли, скачка стоя на подушке седла на одной лошади, на 2-х лошадях, крыло, отвалки и, в особенности, работа пикой и шашкой - оставались как и впредь. А лезгинка до сих пор волнует душу и еще недавно, на казачьих вечерах и у горцев Кавказа, хотя и под принудительной просьбой - выступаю в ней.

Многое в жизни относительное, даже и возраст. Во Франции до сих пор джигитуют мои сверстники, Донские казаки станицы Манычской, Есаул Юрков и подхорунжий Василий Пахомов, имея небольшая группы. Как строевые лошади, они втянулись в свою работу десятками лет и старость для них относительна. Поистине - велик дух казачий!

С тех памятных дней - прошло четыре десятка лет. Вторая мировая война 1939-45 гг. разметала, разсеяла, умертила многих участников той джигитовки. Умерли полковники Шляхтин и Зеленков. Умер есаул Некрасов. Умерли все три брата Симоновых. Средний, Иван, на одной из джигитовок, упал в горящий соломенный барьер, облитый керосином, и задохся от дыма. В Калифорнии, работая в американском цирке, упал с лошади и разбился насмерть отличный джигит, Иван Корнилов 37 лет от роду, казак станицы Вознесенской Лабинского Отдела Кубанского Войска. Смерть на джигитовке, словно смерть в бою, для Славы.

У немногих, оставшихся в живых, не сохранились и альбомы. В Бельгии проживают Донского Войска воинственные старшины В.В. Кузнецов и А.М. Голубев. В Голландии, Кубанского Войска хорунжий А.С. Галкин /"Н.П. Корсов" по паспорту/. В Нью-Йорке Донского Войска есаул Ф.А. Сохражов; Кубанского Войска младшие урядники Д.В. Матвиенко и Г.А. Солодухин /"короли кинжалов"/. Правдивость моих описаний об этой джигитовке во Франции - пусть порадует их сердца.

Апрель 1965 г.
Нью-Йорк.

/продолжение следует/

Ф. Елисеев.

ЧТО-ЖЕ ПРОИЗОШЛО В с.КОЛЧЕДАН, НА УРАЛЕ?...

Финляндия не имела почтового сношения с Россией, т.е. вначале не признавала красной власти в ней. Потом возстановились нормальные взаимоотношения как независимых государств. Я очень томился в одиночестве и все время думал и страдал о семье, оставшейся в станице - бабушке и матери и последних двух сестренках-подростках. Думал и о старшем брате, что сослан был в Пермь. Жуткое было состояния души. Так трагично померла Надюша; не менее жестоко погиб младший брат в Таврии. Известили из станицы, что в 1922 г. умерла наша бабушка... 75-ти летняя старушка поехала куда-то "за хлебом для семьи", там заболела тифом и умерла в неведении... Горе, сплошное горе на душе и неизгладимая, неизлечимая печаль сопровождали мою жизнь в Финляндии.

Неожиданно получил письмо от молодого казака, который провожал меня "в побег" из села Колчедан. Вот оно доподлинное:

"Дорогой Федор Иванович. Власти узнали о делах Владимира Николаевича и Ивана/т.е.о заговоре против красной власти полковника Богаевского и урядника Голованенко, Ф.Е./. После Вашего отъезда, в одну из ночей, их разбудили и отправили в Екатеринбург. Их там осудили и они там "перевернулись"/т.е.- были разстреляны, Ф.Е./. Та-же участь постигла всех остальных, кто прибыл с нами в Колчедан/всех офицеров и военных чиновников Белых армий, мобилизованных на спортивные курсы, Ф.Е./. Весь командный состав расформировали за то, что недосмотрели. Георгий Федорович/адъютант курсов, Ф.Е./ сослан на пять лет в лагери. Нас не тронули. Теперь мы демобилизованы и живем дома. Хорошо что Вы во-время уехали. Иначе, как старший - Вы пошли бы за Владимиром Николаевичем... Посетил Вашу станицу, был у Вашей Мамы и все ей рассказал о Вас... Вас я никогда не забуду".

Ваш брат-казак /далее имя и фамилия, Ф.Е./

Человек живучь. После всех тех муктарств и страданий, которые пришлось пережить в двух войнах 1914-20 гг., в советских лагерях и тюрьмах, в исключительно опасном побеге из красной России, да и не сладкой жизни в Финляндии - вдруг - опять на коня и радость в джигитовке.

Есть поговорка, что - "время и разстояние - лучший исцелитель". Нет, это не так. Самое дорогое для человека, это - семья, родина. Они незабываемы. И чем дальше уходит время после их насилиственной гибели, тем они становятся еще дороже и мучительнее в переживаниях, когда думаешь о них.

Вне Родины нет благополучия и искренней радости. Душа всегда скроется.

НАШ БРАТ ГЕОРГИЙ. ЕГО БОЕВАЯ СЛУЖБА И... ГИБЕЛЬ.

В долгих и кровопролитных войнах на нашей памяти - 1-й Великой, Гражданской и 2-й Великой, с 1914-го по 1945-й годы, так много погибло офицеров и казаков Кубанского Войска... Для Войсковой Истории, для нашего потомства - хотелось бы знать хоть фамилии офицеров - где, когда и при каких обстоятельствах они погибли? Это могли описать только мы, участники этих войн. После нашей смерти - будет только "темная ночь" и никто никогда не узнает и не напишет о них... Как и не узнает не только что фамилий, но и числа их.

Моя душа всегда болит при воспоминаниях о гибели отца, братьев, бабушки, матери и трех сестренок. Все погибли насильственной смертью. О них я писал. Мучительной скорбью остается неизживающее трагическая смерть в бою нашего младшего брата, 24-х летнего есаула Корниловского конного полка в Таврии, в июне месяце 1920 года. Он младше меня на 4 года. Офицерское положение он получил моими заботами. И так молодой погибнуть - до сих пор надрывает душу незаживаемая рана. Вот его молодая жизнь, боевая служба и гибель.

Родился в 1896-м году. Окончил станичное 2-х классное училище. В начале 1915 года, рядовым казаком, добровольно поступил во 2-й Сводно-Кубанский полк вновь формируемой от всех станиц Войска Сводно-Кубанскую дивизию. Она была отправлена в Персию. Как и все казаки - на собственном коне. Там он заболел злокачественной малярией в 1916 году и эвакуирован.

В июле 1916 года, с пополнением казаков, прибыл в Турцию, по рождению, в свой 1-й Кавказский полк, который оперировал в горах, в трущобах на город Эрзинджан.

Операция закончилась. Всю нашу 5-ю Кавказскую казачью дивизию перебросили на отдых в район крепости Карс. После подготовки в полку - он был командирован в Тифлис, где выдержал экзамен на права 2-го разряда/вольноопределяющего/ и по экзамину же, поступил в Тифлисское пехотное училище в конце того же 1916-го года.

При Временном Правительстве, когда Военным министром был А.И. Гучков - его выпуск был произведен в офицеры, в прапорщики. Войсковым Штабом был назначен во 2-й Черноморский полк, который, в составе своей 4-й Кубанской льготной дивизии, перебрасывался в Персию с Западного фронта.

Все Кубанские полки, действовавшие в Персии - на Кубань вернулись только в самом начале марта месяца 1918 года, когда вся Кубань, как и вся Россия, была во власти красных.

В свою станицу, в свою семью, он прибыл 8 марта. 19 марта вспыхнуло наше восстание. Он был командиром взвода в моем Конном Отряде. 24-го марта /все даты по старому стилю/, после подавления восстания - он скрылся в Ставрополь, к родственникам. Когда все успокоилось - вернулся в станицу. Жизнь была на вулкане.

При занятии нашей Кавказской станицы пехотной дивизией Добровольческой армии - все офицеры станицы были мобилизованы и тут же влиты рядом в Партизанский полк. Кровавые бои под станицей Тифлисской. В Ставрополе, в Отряде полковника Шкуро неустойка. Партизанский полк, поездами, спешно перебрасывается на помощь к Шкуро. Здесь я впервые встретился с ним, с Георгием, после нашего восстания. Он был уже командиром взвода. Я был в Отряде Шкуро.

Разстались. Их полк брошен на юг - взять Недреманную гору. От Шкуро скачу в станицу Темнолесскую - набрать казаков в его Отряд. По дороге встречаю раненых офицеров Партизанского полка, и узнаю, что "Георгий Иванович ранен и в госпитале в Ставрополе! На мой вопрос - "легко ранен или тяжело?" - те ответили загадочно. Вернувшись в Ставрополь - поспешил в

госпиталь. Он переполнен ранеными. Георгий, в больничном сером солдатском белье, лежа на спине, скрестив ноги вверх - ворочается тулowiщем и головой. Лицо желтое, осунувшееся и прямой его профиль - стал особенно рельефен. Целую в сухие губы и спрашиваю - "

"Куда ранен?... как себя чувствуешь?"

"В бок... и пуля осталась там... тяжело дышать" - печально отвечает.

Вызываю доктора и спрашиваю о состоянии раненого.

"Кто Вы таков к нему?" - спрашивает он. Я в черной черкеске при погонах под, есаула. Отвечаю:

"Родной старший брат".

Доктор отводит меня в сторону от раненого и.. новый вопрос:

"Есть ли у Вас близкие родственники?"

Получив утвердительный ответ - тихо произносит:

"Вызвайте их попрощаться... пуля затронула брюшину, застряла там, опериовать невозможно... он скоро умрет"...

Дома сплошное горе после того, как красные разстреляли нашего отца. Даю телеграмму. Прибывает бабушка, наша страдалица и стала сиделкою у внука. И... ея святая душа со святыми молитвами к Богу - спасли жизнь брату. Он выздоровел, много месяцев пролежав в госпитале.

- * -

20 ноября 1918г. я был тяжело ранен в конной атаке на пехоту красных у села Спицевка Ставропольской губернии. Кстати сказать - третий раз за один месяц. Из лазарета в Екатеринодаре, к Праздникам Рождества Христова, прибыл в станицу. Выздоровел и брат.

"Я не хочу служить в пехоте. Устрой меня в Ваш Корниловский полк" - просит он меня.

Понимая его чувства - с письмом к командиру полка полковнику Бабиеву - командиру брата. Полк действовал за Ставрополем. Прошло несколько дней, как является Георгий. Он вновь ранен тяжело, в бедро и пуля осталась в теле. Под ним убит был и конь, на котором он воевал в Персии.

Выздоровев - вернулся в полк, а 4-го июля 1919г., под Царицыным - ранен в третий раз, временно командуя 5-й сотней. Он был в чине хорунжего. Ранен тяжело, одновременно двумя пулями. Ф.Е./

О его гибели - приведу выдержки из письма полковника Я.И.Носенко, полученного мною в самом конце декабря месяца 1924 года, когда наша Финляндско-Кубанская станица отбывала контракт во Франции, на Испанской границе. Письмо большое, обстоятельное, на 4-х страницах. Вот они:

"Дорогой собрат по полку, Федор Иванович. Прости, что я начинаю прямо за Георгий Ивановича, хотя и знаю, что это Вам первое и тяжелое, но оно для Вас самое главное. Я сохраняю стиль письма, Ф.Е./.

В 1920-м году, когда мы прибыли в Крым без лошадей, с седлами в руках - из нас был составлен кадр Корниловского полка в Кубанской дивизии и сведен в одну сотню: - 1-й взвод офицерский и три взвода казачьих. Командир сотни полковник Литвиненко, старший офицер сотни полковник Марков, я командовал 1-м офицерским взводом, полковник Мартыненко 2-м, есаул Бородичев 3-им и войсковой старшина Тюнин, 4-м. Георгий Иванович Елисеев был отделен в офицерском взводе.

Наступление началось 25 мая и все время у нас было удачно и благополучно. Мы двигались вперед. 2-го июня, утром, наша Корниловская сотня при Уманском полку, выступила на подводах, т.к. мы были тогда еще без лошадей, из села Корниенко Таврической губернии, на село Большая Белозерка, и недойдя верст пять до нея, встретились с пехотой красных, которая сильно сопротивлялась. Сначала мы было ее сбили и, как конники, быстро

пошли вперед, но у противника подошел резерв и он перешел в контр-наступление, а у нас, ввиду редких цепей, и без резерва, как это всегда у нас было - сотня остановилась, залегла и открыла огонь, чем противника остановила. Но так как наша Корниловская сотня была слишком впереди всех, а фронт до подхода конных частей нужно было выравнять - сотне было приказано отойти по одному на указанную линию.

Мой офицерский взвод переходил последним. День был жаркий. И когда все отошли и остановились - осталось нас три - Георгий Иванович, сотник, а в последнее время войсковой старшина, Дорошенко и я - еще не поднимались для перебежки, лежа стреляли по противнику - в это время пуля попала Георгий Ивановичу прямо в шею, пронизав ему горло и он, на некоторое время, потерял сознание. Я приподнял ему голову, а Дорошенко тут же бинтом обмотал ему шею и двоем с Дорошенко взяли его под руки и начали вести, он пришел в сознание, но идти не мог, и так как Георгий Иванович был все такой внушительного роста, и как мы не старались его поднять, что бы ноги не волоклись по земле, все таки не могли, а несли и ноги тянулись по земле до занятой в тылу позиции, когда подошли еще два казака, тогда мы его понесли до лазаретной линейки, уже более удобной для него и когда положили на линейку, я попросил Дорошенко отвезти на перевязочный пункт.

Когда возвратился Дорошенко, то сказал, что Георгий Иванович даже один раз улыбнулся к нему, но доктор посмотрел на рану и безнадежно покачал головою. /Улыбка перед смертью, уходя в потусторонний мир. Хотел жить/

Полковой священник отец Александр Золотовский, его и всех наших раненых, поехал провожать и перекочевали все раненые в село Корниенко, а 3-яго июня переехали в село Петровское Таврической губернии, что бы уезжать дальше в лазарет. Остановились на ночлег и он, в 9 часов вечера 3-яго июня скончался. Похоронен 4-го июня полковым священником отцом Александром Зротовским в селе Покровском. Для постановки креста на могиле, заботами офицеров, был командирован сотник Ал. М. тв. Козлов, который и сделал надпись на кресте.

Командир сотни, полковник Литвиненко, назначил комиссию для оценки и продажи вещей с аукционного торга. Были проданы следующие вещи:

Седло с прибором - 140.000 рублей, шуба - 15.000, шашка - 17.000, кинжал в черной оправе - 15.000, носки - 3.000, рубахи - 25.000, полотенце - 2.600, брюки - 21.000, куртка - 15.000, подметки и набойки - 6.000, бурка - 6.000, трензеля к седлу - 30.000. Всего на сумму - 295.600 рублей знаками Вооруженными Силами Юго-Востока России. С согласия общества офицеров, ввиду не имения в то время еще денежного ящика у нас - как ближайшему товарищу Георгий Ивановича - передали на хранение сотнику Алексею Матвеевичу Козлову, с условием - по возвращению на Кубань, эти деньги передать родным Георгий Ивановича.

Из суммы 295.600 рублей, выдано 13.000 рублей по акту есаулу Таранцову, который Георгий Иванович был ему должен".

Шлю Вам свой искренний привет,
Уважающий Вас Я. Носенко.

- * -

Жуткое и историческое письмо во многих отношениях. Почтовый штамп показывает, что из Белграда, оно было отправлено 21 декабря 1924г. Кроме памяти о жуткой гибели брата - это есть и кусочек Истории Корниловского конного полка. Астрономическая цены завещи брата, которая, надо полагать, были обыкновенные - сказали о полном банкротстве валюты. Вот и вся короткая история... Свидетели этих событий, полковники Носенко, Мартыненко, войсковой старшина Бородычев и есаул Козлов - живут под Нью-Йорком.

А могилу брата, с двумя пулями в теле - теперь уж и не найти....
Стройный богатырь-красавец с веселыми глазами, добрян, никогда не имевший врагов, которого все так любили и так погибнуть!.. Ф. Е л и с е е в.